

WARHAMMER

40,000

DEATHWING

Нечистого не оставляй в живых

Гэвин Торн

ЯКОВ ПОЙМАЛ себя на том, что дремлет, убаюканный сновторным влиянием теплого солнца и монотонным стуком копыт по булыжникам мостовой, когда его подбородок коснулся груди.

Моргнув, он стряхнул с себя дремоту и, сидя в открытой повозке, принялся оглядывать

здания, проносившиеся мимо. Фасады с колоннами и рядами балконов простирались на

несколько этажей вверх, разделенные широкими разветвленными улицами. Карнизы из

мрамора с толстыми прожилками неслись мимо, за ними следовали гранитные фасады, чья

полированная поверхность, отражала полуденные лучи солнца. Ещё километр и стали видны

первые признаки усадки. Крошащаяся

мозаика рассыпалась по неровной мостовой,
ползучие

растения обвивались вокруг балюстрад и
карнизов. Пустые окна, некоторые даже без
стекол,

взирали на него. Крикнув на лошадей,
кучер остановил повозку и подождал, пока
проповедник спустится на булыжники
мостовой.

- Дальше мне нельзя, - сказал кучер, даже
не повернувшись, и его слова звучали
одновременно

и извинением, и благодарностью. Яков
подошел к его сиденью и пошарил в
кармане в поисках

монеты, но кучер, избегая его взгляда,
тронулся с места, поворачивая повозку на
боковую

улицу. Яков знал, что так будет - ни один
честный человек на Карис Цефалоне не
взял бы

платы от священника, но он так и не
избавился от привычки платить за услуги
и товары. Он

как-то попытался всучить чаевые грузчику на железной дороге, но тот в ужасе чуть не

разрыдался. Яков был здесь уже четыре года, но так ещё и не привык к местным обычаям и

верованиям. Набросив свой вышитый холщовый мешок на плечо поудобнее, Яков продолжил

свой путь пешком. Длинные ноги быстро несли его мимо рун счетных домов и древних

магазинов, апартаментов, что некогда принадлежали сказочно богатым людям, мимо бывшего

королевского казначейства, ныне вот уже семь столетий как покинутого. Он прошел уже с

километр, как вдруг постепенный подъем кончился и, стоя на вершине холма, Яков оглядел

свой приход.

Низенькие, уродливые лачуги гнездились по дорогам и аллеям среди некогда

могучих

строений королевского квартала. Он чувствовал запахи бездомных: вонь немытых тел и

аромат, в некотором роде даже экзотической, стряпни, что принес ему дым тысяч костров.

Солнце только начало садиться, когда он направился вниз по холму, и вскоре главная улица

погрузилась в прохладную тень, заставляя лежать от холода после недавнего тепла.

Хижины,

сколоченные из рифленого металла, грубых досок, листов пластика и других обломков,

упирались в обработанный камень старых городских домов. Стало слышно бормотание

голосов, визг детей, мявканье и лай собак. Трохот сковородок, на которых готовили пищу,

стелливался с плачем младенцев и кудахтаньем кур. Жителей было почти не

видно.

Большинство из них были дома, готовясь к ужину, остальные работали в полях или в шахтах

на дальних холмах.

Маленькая девочка, около двенадцати земных лет, выбежала из подрастрепанного куска

грубо сотканной пеньки. Она визгливо расстелась, когда мальчик, немного тлгаше ее на

вид, догнал и повалил ее на землю. Они увидели Якова одновременно и сразу же успокоились.

Отряхнувшись, они поднялись и уважительно склонили головы в ожидании.

- Катинья, верно? - спросил Яков, остановившись напротив девочки.

- Да, отче, - стиренно ответила она, глядя на него здоровым глазом. На месте другого глаза у

нее был болезненный красный струн, который вылезал из глазницы, проходил по лицу и

обволакивал левое ухо, оставляя часть головы лысой. Она мило улыбнулась проповеднику, и он улыбнулся в ответ.

- Разве ты не должна помогать своей матери по кухне? - спросил он, кивнув в направлении

покосившейся хибары, которая служила ильготом.

- Матка в церкви, - встрял Пьетор, младший брат девочки, тем самым заработав пинок по

ноге от своей сестры. - Она сказала нам тут ждать.

Яков взглянул на мальчика. Высохая правая рука придавала его, в целом абсолютно

нормальному, телу скособоченный вид. Именно дети более всего занимали его, всегда

радостные вопреки своему тусклому будущему и жуткому окружению. Если бы все верующие

в Императора имели такой же

несгибаемый дух, то Он и все человечество
превозмогли бы

любое зло и бедствия ещё тысячелетия
назад. Их увечные, мучировавшие тела
ужасны,

размышлял он, но их души так же
человечны, как и любые другие.

- Не рановато ли для церкви? - спросил он
детей, удивляясь, зачем все туда
направились аж за
два часа до начала службы.

- Она сказала, что хочет с вами
поговорить. И ещё другие люди с ней тоже,
- сказала Катинья, соткнув руки за спиной
и глядя вверх на священника.

- Что ж, вы двое идите в дом и приберите
все к отцовскому приходу, - мягко сказал он,
надеясь, что его внезапное волнение не
было замечено.

По дороге он судорожно пытался понять,
что могло произойти. До него доносились
тревожные слухи о нескольких умерших в
лачугах, и том, что истощающая чума
начала

распространяться среди мутантов. В
таких антисанитарных условиях подобные
болезни

быстро разрастались и с невероятной
скоростью переносились из одного гетто в
другое, когда

рабы со всего мира собирались в трудовые
группы.

Повернув направо, Яков направился к
часовне, которая была также его домом.
Построенная

пять лет назад руками самих мутантов,
она была такой же развалюхой, как и
любое другое

здание в гетто. Крыша протекала, зимой
там была стужа, а летом изнуряющая
жара. Но все

равно, усилия, вложенные в постройку,
были достойны восхищения, хоть
результат и был

печальным, если не сказать,
оскорбительным. Яков подозревал, что
кардинал Карис Цефалона

- прелат Кодашка - почувствовал

избращенное удовлетворение, услышав о
том, кто направлен

в приход лутантов. Будучи из фракции
артормитов, Яков свято верил в то, что
строения,

возведенные во имя Императора, обязаны
быть богато украшены, и являть собой
великолепные и блестящие произведения
искусства, прославляющие Святого Отца
Человечества.

Быть поставленным во главе того, что
ранее было им провозглашено
неприемлемым для

священнодействия, было чрезвычайно
унизительно, и даже по прошествии
времени, мысль об
этом терзала его.

Конечно же, Кодашка, как и все
священники Карис Цефалона и
окружающих систем,

принадлежали к фракции люсигов,
предпочитая бедность и умеренность,
разнообразию и

чрезмерности украшений. Это было

большим вопросом в теологических спорах,
что не раз

возникали между этими фракциями, и
упрямый отказ Якова принять
превалирующие обычаи

этого нового для него мира не оставлял
ему никаких благих перспектив в
Екклезиархии. Но

опять-таки, горько подумал он, все его
шансы на какое-либо продвижение в
иерархии

практически испарились, когда он был
назначен приходским священником.

По дороге он увидел грубые шпиль часовни,
возвышавшиеся над приземистыми,
плотными

лачугами. Их побитые, кривые кровли
покрывались сероватой плесенью, вопреки
упорным

усилиям бригад добровольцев, которые
ремонтировали церковь. Петляя в
лабиринте труб и

потойных ям, Яков, как и ожидал,
заметил большую толпу, собравшуюся

возле часовни.

Примерно пять сотен его прихожан, каждый с мутациями большей или меньшей степени,

стояли в ожидании. Из толпы доносился недовольный гул. Когда он приблизился, люди,

заметив его, стали стекаться в его направлении, и Яков воздел руки, останавливая их, пока его

не окружили совсем. Может, они и были набожными, но добряками точно не были. Они

принялись шутить на разные голоса, от визгливых, до низких гортанных, и Яков снова поднял

руки, заставляя их утолкнуть.

- Говори, Глоран, - сказал он, указывая на рослого бригадира шахтеров, чье огромное мускулистое тело было покрыто постоянно шелущащимися струпами и открытыми язвами.

- Чума пришла к нам, святой отец, - ответил Глоран голосом таким же

растрескавшимся, как и

его кожа. - Матер Хорон умер этим утром, и многие другие тоже заболели.

Яков в душе застонал, но грубые ястребиные черты его лица остались невозмутимы. Итак, его

подозрения подтвердились - смертельная зараза пришла за его наставой.

- И вы пришли сюда, чтобы...? - начал он, вопросительно взирая на разношерстную толпу.

- Чтобы вознести молитву Императору, - ответил Глоран, глядя своими огромными глазами на

Якова в ожидании ответа.

- Я подготовлю подходящую мессу к сегодняшней вечере. Возвращайтесь по домам и

ужинайте. Голод не поможет вам в борьбе против чумы, - твердо сказал он.

Некоторые из

толпы ушли, но большая часть осталась.

- По домам! - резко бросил Яков и тахнул рукой, раздраженный их упрямством. - Я не

стогу

подобрать нужную молитву, если вы
будете постоянно донимать меня, не так
ли?!

Немного погодев, толпа начала
расходиться и Яков, повернувшись, зашагал
по грубой

гощатой лестнице ко входу в часовню,
перешагивая сразу по две ступени. Он
отодвинул грубо

сотканную занавеску, что служила
оградой от внешнего мира, и ступил
внутрь. Внутри

часовня была так же убога, как и снаружи.
Всего несколько дыр в грубой крыше из
досок и

покоруженного металла пропускали
внутрь свет. Пылинки, опускаясь с
потолка, легко

кружились в тусклых столбах
красноватого солнечного света.

Яков бездумно повернулся и взял свечу со
стойки у входа. Затем взял одну из спичек,
которые

лежали напротив кучи свечного жира —
одной из немногих милостей, выпрошенных
им у

скарёдного Кодашки. Он чиркнул ей о
шершавую стену часовни и зажег свечу.
Вместо того

чтобы осветить всю часовню, неровное
пламя создало ореол тусклого света вокруг
проповедника, лишь сгущая окружающую
темноту. Он шел к алтарю у дальней
стены,

перевернутому ящику, покрытому
скатертью с некоторыми аксессуарами,
принесенными им с

собой, и ветер, свистевший из всех щелей в
грубо построенных стенах, заставлял свечу
терцать, от чего тень Якова плясала на
стенах часовни. Аккуратно поставив свечу
в

подсвечник слева от алтаря, он преклонил
свои худые колени, которые отозвались
болью,

коснувшись грубого бұлыжника,
составлявшего пол часовни. Снова прокляв

Кодашкү,

отобрававшего у него молельную подушку под предлогом того, что это проявление декагентства и слабости, Яков попытался сосредоточиться и найти в буре мыслей тихое место, где можно было бы вознести молитву Императору.

Он собрался было закрыть глаза, как вдруг заметил нечто на полу у алтаря. Приглядевшись,

проповедник понял, что этодохлая крыса. Такое было уже не в первый раз, и Яков вздохнул.

Вопреки всем увещеваниям, некоторые из его наставы следовали своим древним варварским

обычаям приношения жертвы Императору в знак благодарности или покаяния. Отбросив

пустые мысли, Яков закрыл глаза, пытаясь успокоиться.

СТОЯ У ВЫХОДА из часовни и побуждая выходящих прихожан, Яков почувствовал, как

его кто-то держает за рукав, обернулся и увидел девушку. Она была молода, около шестнадцати земных лет на вид, ее симпатичное, но бледное лицо обрамляли темные волосы.

Убрав руку от ряссы Якова, она улыбнулась, и только тут он увидел ее глаза. Даже в темноте

часовне они были черны, и он внезапно понял, что глаза ее были одностонными, без следа

зрачков или белка. Девочка затормозила, встретившись с ним взглядом.

- Да, дитя моё? - обратился Яков, мягко склоняясь к ней, чтобы она могла говорить с ним, не

повышая голос.

- Спасибо вам за молитвы, Яков, - ответила она и ее улыбка угасла. - Но чтобы излечить

ваших прихожан, этого мало.

- Все в руках Императора, - пробормотал священник в ответ.

- Нужно запросить медикаментов у

губернатора, - тихо сказала она, скорее
утверждая, а не
спрашивая.

- И кто же ты такая, чтобы говорить
мне, что я должен делать, юная леди? -
поинтересовался

Яков, скрывая раздражение.

- Я - Ламезия, - коротко ответила она, и
сердце Якова слегка дрогнуло. Эта девушка
была

известной террористкой. Агенты службы
безопасности губернатора уже многие
месяцы

разыскивали ее за нападения на поселения
рабов и богатых землевладельцев. Она
была заочно

приговорена к смерти несколько недель
назад. И вот, она тут разговаривает с
ним.

- Ты угрожаешь мне? - спросил Яков,
пытаясь казаться спокойным, но узелок
страха начал

завязываться в его животе. Она быстро
заморгала на мгновение, а потом вдруг по-

детски

расхохоталась.

- О, нет! - она стаялась, закрыв рот тонкой, нежной ладонью, на костяшках которой Яков

заметил шелушащиеся корки. Взяв, наконец, себя в руки, она посерьезнела.

- Вы и так знаете, что нужно для вашей паствы. Ваши прихожане утирают, и лишь лечение

может их спасти. Пойдите к прелату, пойдите к губернатору, попросите у них лекарств.

- Я уже сейчас могу тебе сказать, каков будет их ответ, - тяжело произнес Яков, опуская

плотную занавеску и направившись в неф, знаком приглашая ее следовать за ним.

- И каков же? - спросила Латезия, шагая в одном темпе с ним, широко ступая, чтобы успеть за

глинными ногами Якова. Он остановился и взглянул ей в лицо.

- Лекарства в дефиците, а рабы нет, -

ответил он, констатируя факт.

Не было смысла успокаивать ее. Любой представитель власти на Карис Цефалоне скорее

потеряет тысячу рабов, чем запасы медикаментов, которые приобретались по огромной цене с

других миров и стоили годового дохода.

Латезия понимала это, но очевидно решила пойти

против судьбы, которую Император уготовил ей.

- Ты понимаешь, что ставишь меня в неловкое положение, не так ли, гитя? - с горечью

спросил он.

- Почему же? - поинтересовалась она. - Потому что священник не должен общаться с

преступниками?

- Да нет, с этим как раз все просто, - ответил Яков, на секунду задумавшись. - Завтра на

встрече с прелатом я скажу, что видел

тебя, а прелат сообщит губернатору,
который пошлет

службу безопасности, чтобы допросить
меня. И я им расскажу почти все.

- Почти все? - удивилась она, подняв бровь.

- Да, почти, - ответил он с легкой
улыбкой. - В конце концов, если я скажу,
что это ты велела

мне обратиться за медикаментами, то
шансов получить их будет ещё меньше.

- Так вы сделаете это для меня? -
произнесла Латезия, широко улыбаясь.

- Нет, - ответил Яков, и ее улыбка
исчезла так же внезапно, как и появилась.

Он остановился и подобрал с пола тряпку.

- Но я сделаю для моих прихожан то, что
ты говоришь. Я мало верю в то, что
просьба будет

удовлетворена, точнее, совсем не верю. И
мои плохие отношения с прелатом от
этого лишь

ухудшатся, но тут уж ничего не
поделаешь. Я должен поступить так, как
того требует мой долг.

- Я понимаю и благодарю вас, - мягко произнесла Латезия и исчезла за дверью занавеской,

даже не оглянувшись. Вздохнув, Яков стянул тряпку в руке и направился к алтарю, чтобы

закончить уборку.

ПЛЕКСИГЛАСОВОЕ ОКНО

монотранспортера было исцарапанным и треснутым, но все

равно сквозь него Яков хорошо видел столицу. Карис расстилался перед ним. Залитые

весенним солнцем белоснежные здания четко выделялись на фоне плодородных равнин,

окружавших город. Дворцы, банки, штаб-квартиры Службы Безопасности и

правительственные учреждения возвышались на фоне улиц, и транспорт шумно грохотал,

двигаясь по своей единственной рельсе. Были видны и другие транспортеры, ползущие над

городом по рельсам, подобно чадающим
жукат, и их окна отражали проблески
солнца, что
изредка выглядывало из-за облаков.
Взглянув вперед, он увидел Аметистовый
Дворец, бывший штаб-квартирой
губернатора и
кафедральным собором Карис Цефалона.
Вершину холма, на котором он был
построен,
окружали высокие стены с множеством
башен, с которых свисали знамена
революционного
совета. Когда-то каждая башня держала
штандарт одной из аристократических
семей. Но все
они были сожжены вместе с их хозяевами
во время кровавого восстания, которое
свергло их
власть семьсот тридцать лет назад.
Заток, пронзенный в середине
таинственной черной Излоу Сеннатиса
высотой в километр,
возвышался над стенами собрания

дополнительных пристроек, колонн и башен, что скрывали его первоначальный вид подобно слою налета.

Шестерни конвейера под его ногами громче заскрипели и завертелись, когда вагончик

наконец пристал к стыковочной станции двorca. Яков прошел сквозь пристань совершенно

бездумно, все его мысли были о предстоящей встрече с прелатом Кодашкой. Он едва обратил

внимание на то, как охрана у входа салютовала ему, и совсем уж подсознательно отметил, что

все они были вооружены массивными авторужьями в дополнение к традиционным

церемониальным копьям.

А, Константин,- пробормотал Кодашка, глядя на Якова из-за своего высокого стола, когда за

проповедником закрылись двери.

Единственное лазерное перо и
автоматом украшали

тусклую черную поверхность стола, служа
отражением скудности интерьера
комнаты. Стены

были по-простому выбелены, как и большая
часть интерьера Аметистового дворца, и
единственный имперский орел в черном
обращении висел на стене за кардином.
Сам

кардинал был приятным на вид человеком
среднего возраста, державшимся спокойно и

с достоинством. Одетый в простую черную
сукану с единственным знаком власти в
виде

маленького стального венчика,
сдерживавшего лоснящиеся светлые волосы,
кардинал

выглядел элегантно и внушительно. Он
мог бы быть ведущим актером на сцене
Театра

Революции и видом своих ярких голубых
глаз, точеными скулами и волевыми

поборожом

покорять женские сердца, однако его призвание было другим.

- Хорошо, что вы нашли время поблизаться со мной, кардинал, - сказал Яков, отвечая на

пригласительный жест Кодашки, сел в одно из кресел с высокими спинками, что были

расставлены полукругом напротив стола.

- Должен отметить, что твое утреннее послание меня несколько удивило, - сказал прелат,

откидываясь на спинку своего кресла.

- Вы понимаете, почему я почувствовал необходимость разговора с вами? - поинтересовался

Яков, ожидая привычного пикирования фразами, что неизменно сопровождали все его беседы

с Кодашкой.

- Твоя наставка и чума? Конечно, понимаю - кивнул кардинал. Он хотел что-то добавить, но стук

в двери прервал его. По знаку Кодашки они открылись, и человек в простой ливрее прислуги

Экклезирахии вошел, держа в руках деревянный поднос с графином и бокалом.

- Полагаю, ты хочешь пить с дальней дороги? - прелат взмахом руки указал на напиток. Яков

кивнул с благодарностью, наливая себе бокал свежей воды и глота маленькую порцию. Слуга

оставил поднос на столе и безмолвно удалился.

- На чем я остановился? Ах, да, чума. Она поразила много поселений рабов. Почему же ты

ждал сегодняшнего дня, чтобы обратиться за помощью? - вопрос Кодашки выглядел просто,

но Яков подозревал, что его как всегда испытывали. Пару мгновений он думал над ответом,

отхлебнув воды, чтобы потянуть время.

- Другие поселения не входят в мою

наставу. Это не мое дело, - ответил он,
поставив пустой

стакан на поднос и поднимая глаза, чтобы
ответить на взгляд кардинала.

- Ах, твоя настрада, ну конечно,
улыбнувшись, согласился Кодашка. - Твой
долг по отношению

к прихожанам. А почему ты считаешь,
что я смогу убедить губернатора и
Комитет начать

действовать сейчас, когда они уже
стольким позволили умереть?

- Я просто выполняю свой долг, как вы
говорите, - спокойно ответил Яков,
стараясь

выглядеть невозмутимо. - Я не давал
никаких обещаний, кроме как обсудить
этот вопрос с

вами и не ожидал успеха. Как вы сказали,
было слишком много времени для
действий. Но я

все равно должен спросить, станете ли вы
спросить губернатора и Комитет послать
медицинскую помощь и персонал в мой

приход, чтобы помочь защитить
верующих от
эпидемии?

- Нет, не стану,- коротко ответил
Кодашка. - Мне уже дали понять, что не
только трата этих

ресурсов является недопустимой, но также
и снятие запрета посещения рабских
гетто

полноправными гражданами может
повлечь за собой сложный юридический
казус.

- Моя паства утирает! - рявкнул Яков,
несмотря на то, что в душе он не
чувствовал сильного

гнева. - Разве вы не можете сделать хоть
что-то?

- Я буду молиться за них,- ответил
кардинал, не подавая признака того, что
вспышка гнева

Якова хоть сколько-то его потревожила.

Яков хотел было сказать что-то, но
осекся. Это была одна из ловушек Кодашки.
Кардинал

отчаянно пытался найти повод, чтобы дискредитировать Якова, распустил его уникальный

приход и отправить куда подальше.

- Я уже это сделал, - в конце концов сказал Яков. На несколько секунд образовалась неловкая

пауза, и кардинал, и проповедник смотрели друг на друга через стол, обдумывая свой

очередной ход. Кодашка первым нарушил молчание.

- Тебя раздражает проповедовать этим рабам? - внезапно спросил он.

- Даже согласно законам Карис Цефалона рабы нуждаются в духовном наставлении, - ответил

проповедник.

- Это не ответ, - трючно сказал Кодашка.

- Я нахожу, что ситуация на этом мире плохо сочетается с учением моей веры, - наконец

признал Яков.

- Ты считаешь, что рабство противно

твоей религии?

- Конечно, нет! - Яков фыркнул. - Все дело в этих мутантах, этих существах, которых я

проповедую. Весь этот мир построен на использовании чего-то настолько нечестивого и

гнусного, что, как мне кажется, оно очерняет каждого, кто участвует в этом.

- Ох уж это твое арморитское воспитание, - в голосе прелата послышалось презрение. --

Такое суровое и чистое в намерениях и такое слабое и упадническое в делах.

- Мы принятая и известная фракция в Министоруме, - сказал Яков, защищаясь.

- Принятая? Известная, я согласен, но принятие... Это совсем другой вопрос, - резко сказал

Кодашка. -- Ваш основатель, Граций Арморитский был обвинен в ереси!

- И признан невиновным... - парировал Яков. И, не удержавшись, добавил. - Перед лицом равных ему.

- Да, - медленно согласился Кодашка, и на его лицо вернулась хитрая улыбка.

АУДИЕНЦИЯ ЯКОВА у кардинала длилась большую часть дня и снова солнце уже начало

сagиться, когда он шел по направлению к рабочему городку. Снова, как и вчера вечером,

множество мутантов собралось возле часовни. Слухи о его визите к кардиналу распространились быстро, и проповедники встретили взгляды, тревожно ждущие ответа.

Выражение его лица породило в них нехорошее предчувствие и подняло волну ропота. Вперед

снова выступил Мневон, слуга по натуре, как считал Яков. Взглянув на его звериные

черты, в который раз проповедник подумал, что он, очевидно, был возвращен от нечестивого

союза с собакой или медведем. Клочки грубой шерсти росли пятнами по всему его

мелу, а

нижняя челюсть была сильно вытянута и
усеяна похожими на клыки зубами с
желтизной.

Меневон поглядел на проповедника своими
маленькими глазами-бусинками.

- Он ничего не делает, - заключил
мүтант. - Мы утираем, а они все
бездействуют!

- На все воля Императора, - строго
ответил Яков, и его слова машинально
повторили

некоторые из присутствующих
мүтантов.

- Императора я почитаю и верю в него, -
горячо провозгласил Меневон. - Но
губернатор...

Даже если бы он горел, я бы и не плюнул на
него.

- Это опасные разговоры, Меневон, и будет
хорошо, если ты придержишь свой язык, -

предупредил Яков возмущителя
спокойствия, понижая голос.

- Я говорю, что ты должны заставить их

помочь нам! - закричал Мневон, не
обращая

внимания на Якова и поворачиваясь к
толпе. - Пора ит нас услышать!

Некоторые согласно заворчали, другие
выразили свое согласие громкими криками.

- Слишком долго они над нами
властвовали, слишком долго не обращали
на нас внимания! -

продолжал Мневон. - Но теперь уж
довольно! Хватит!

- Хватит! - заревела толпа в ответ.

- Тишина! - заорал Яков, поднимая руки,
чтобы утихомирить их. Толпа
молментально утихла,

едва слышав его повелительный голос. --
Этот латеж ни к чему не приведет. Если
губернатор не послушал меня, вашего
проповедника, то вас он и подавно слышать
не будет.

Ваши хозяева не потерпят этот бунт.
Идите по домам и молитесь! Надейтесь не
на

губернатора, а на себя и на Господа

нашего, Пресвятого Императора.
Ступайте!

Меневон бросил на проповедника яростный
взгляд, видя как люди, внимая его словам,
расходились, оборачиваясь и бормоча
проклятия.

- Ступай к своей семье, Меневон. Ты не
поможешь им, болтаясь на виселице,
тихо сказал

ему Яков. Возмущение в глазах мутанта
угасло, и он печально кивнул. В отчаянии
окинув

проповедника долгим взглядом, Меневон
тоже пошел прочь.

ПРИКОСНОВЕНИЕ чего-то холодного
пробудило Якова и, открыв глаза, он
увидел перед

своим лицом поблескивавшее лезвие ножа.
Оторвавшись от разглядывания острой
стали, он

провел взглядом по руке владельца и
установился в белесые глаза мутанта, имя
которого было

Визант. Как и Латезия, он был беглым и

бунтовщиком, которого разыскивали
агенты службы

безопасности. Его лицо было мрачным,
глаза уставились на проповедника. На
бугристой

морщинистой серой коже, покрывавшей его
тело, проблескивали тусклые блики
серебристого

света, изредка проникавшего в
незастекленное окно таленькой кельи.

- Вы обещали, - услышал Яков голос
Латезии. В следующую секунду, она
появилась из тени

возле окна, и ее волосы неярко блеснули в
свете луны.

- Я спрашивал. Ответ был «нет», - сказал
Яков, отталкивая руку Бизанта и
принимая сидячее

положение, отчего одеяло, которым он
укрывался, спало, обнажая рельефные
мышцы на

животе и плечах.

- Вы в хорошей форме, - заметила
Латезия, увидев его сложение.

- Ежедневные прогулки до столицы
помогают мне в этом, - ответил Яков,
спокойно ощущая,

как ее пронизывающий взгляд скользит по
его телу. - Чтобы должным образом
служить

Императору, я должен поддерживать
физическую форму так же, как и духовную.

Мерцающий желтый свет привлек
внимание проповедника к окну, он встал с
тощего матраса,

чтобы подойти и взглянуть. Ламезия
улыбнулась, увидев его обнаженным, но он
не обратил на

это внимания - плотские вопросы типа
собственной наготы были ниже его.
Отодвинув в

сторону рваную занавеску, Яков увидел,
что свет исходит от десятков горящих
факелов.

Внимательно прислушавшись, он смог
различить спорящие голоса.

Один из них был похож на голос Меневона.
Когда глаза нетного привыкли к свету

факелов,

Яков смог разглядеть покрытого шерстью
мүтанта, жестами указывающего в
сторону города.

Будь он проклят Императором!
выругался Яков. Протиснувшись мимо
Латезии, он схватил

свою одежду, которая висела на стуле
позади нее. Натянув свою расу, он
повернулся к
девушке-мүтанту.

- Ты подбила его на это? -- требовательно
спросил он.

- Мневон действительно некоторое время
назад присоединился ко мне, - согласилась
она,

стараясь не встретиться с его взглядом.

- Зачем? -- просто спросил Яков. --
Губернатор не потерпит недовольства.

- Мы слишком долго позволяли
продолжаться этой тирании, - с чувством
ответила Латезия. --

Только революция! Рабы устали от
плети. Пришло время нанести ответный

удар.

- Революционный Совет поддерживало две трети армии старого короля, - гневно ответил

Яков, нащупывая в темноте свою обувь. -- Вы все утро.

- Брат Меневона мертв, - прорычал Бизант из-за спины Якова. - Убит.

- Точно? Ты уверен в этом? -- Яков обернулся к серокожему.

- Если только не он сам перерезал себе горло! -- ответила Латезия. -- Господа сделали это, и

никто не будет заниматься расследованием, потому что это всего лишь смерть еще одного

раба. Правосудие должно свершиться.

- Император в свое время рассудит всех нас, - инстинктивно ответил Яков. -- И он будет судить

некоторых из них уже сегодня вечером, если ты позволишь продолжаться этому

безрассудству. Вы предаете свои души Хаосу. Тебя не волнует, что они утрут? --

указал он за

окно.

- Лучше умереть в борьбе, - прошептала в ответ Ламезия, - чем на коленях вымаливать объедки и помой.

Проповедник сердито заворчал и поспешил сквозь часовню на улицу. Повернув за угол, он

столкнулся с толпой мутантов. Их лица были искажены злостью, а при виде него раздалась

гневные хриплые крики. Во главе был Мневон с поднятой вверх горящей головней в руках --

вылитый вождь революции. Вот только был он как раз и не был, горько устехнувшись,

подумал Яков, эта честь принадлежала утло манипулирующей, упрямой девчонке-подростку,

которая осталась в его комнате.

- Во имя Императора, вы соображаете, что творите? -- громко спросил Яков. Его

низкий голос

оглушительным воплем раздался среди гула толпы. Они не обратили на него никакого

внимания, Мневон оттолкнул его в сторону, а толпа продолжила стремительное движение по

улице. Проповедник узнал многие лица в свете факелов, пока толпа двигалась мимо,

некоторые из них были еще детьми. Он почувствовал рядом чьи-то шаги, и, обернувшись,

увидел, как Латезия с торжествующим выражением лица наблюдает за тем, как мимо них идут

мүтанты.

- Как настолько юная может быть настолько кровожадной? -- пробормотал Яков, бросив

сердитый пристальный взгляд на нее, прежде чем отправиться за мүтантами. Они шли с

приличной скоростью, и Якову, который

двигался широкими шагами, пришлось
применить

силу, прокладывая себе путь сквозь толпу,
проталкиваясь и работая локтями, чтобы
пробиться

в первые ряды. Когда они приблизились к
границе гетто, толпа стала
останавливаться, и он,

наконец, прорвался вперед и увидел - что
стало помехой на их пути.

Поперек главной улицы стоял небольшой
отряд службы безопасности, их серая и
черная

униформа темнела в свете фары
искателя транспорта, стоявшего позади.
У всех в руках были

дубовики, в щитках на шлеме
отражались огни факелов.

Яков остановился и позволил мутантам
окружить себя, во рту пересохло от
страха. Рядом с

ним тилая маленькая девочка, Катинья
широко открытыми глазами уставилась
на агентов СБ.

Она тут же заметила Якова и
посмотрела на него со слабой,
нерешительной улыбкой. Он не
улыбнулся в ответ, а сконцентрировал
внимание на силовиках перед ними.

- Поворачивайте назад! Вы нарушаете
законы поселения рабов! -- проскрежетал
голос из
грозногоговорителя.

- Хватит! -- прокричал Мневон и
швырнул свой факел в сотрудников
безопасности. Его крик
поддержали остальные. Брошенные камни
и факелы забарабанили по стенам домов.
Один из
агентов упал, когда брошенная бутылка
разбилась о его темный шлем.

- Вас предупреждали, тутантские
отбросы! -- прорычал из грозногоговорителя
голос командира

СБ. словно по какой-то неслышимой
команде агенты вскинули дробовики. Яков
бросился на

Катинью, когда вокруг них стали рваться

ружейные выстрелы. Послышались крики и вопли.

Слева раздался пронзительный вой агонии, а он с девочкой, перекатившись, бросился на

землю. Проповедник почувствовал, как что-то дернуло его рясу, когда прогретел очередной

залп. Мутанты побежали, воцарился беспорядок. Они цеплялись друг за друга и дрались в

борьбе за то, чтобы расчистить себе дорогу. Босые и обутые ноги топтали пальцы Якова, пока

он укрывал собой Катиню, которая хныкала и всхлипывала под ним. Закусив губу, чтобы не

завопить от боли, когда чья-то пятка сломала между гвүтя бұлыжниками эту большой палец

на левой руке, Яков заставил себя встать. В это время они с девочкой остались на улице одни.

Бұльвар был усеян мертвыми и ранеными

мүтантати. Конечности, тела и лужи
крови

покрывали брусчатку, немногие
находящиеся в сознании стонали и рыдали
со

всхлипываниями. Справа, пара, которую он
венчал сразу после своего прибытия, стоя
на

коленях, с завываниями оплакивала
лежащий рядом обезображенный труп
своего сына. Куда

ни взгляни, повсюду безжизненные глаза
смотрели на него в резком свете
поискового фонаря.

Агенты СБ расчищали себе дорогу сквозь
завалы из тел, ногами переворачивая
труны и

взглядываясь в лица.

Яков услышал прерывистый вздох девочки
и посмотрел вниз. Половина лица ее
матери

лежала на дороге почти на расстоянии
вытянутой руки. Он нагнулся и поднял
девочку левой

рукой. Она спрятала лицо в его одеянии и безудержно зарыдала. Затем он заметил серебристый шлем сержанта, который карабкался вниз из оружейной башни бронемашины.

- Ты! -- взревел Яков, указывая свободной рукой на агента. Гнев переполнял его. --
Уди сюда
сейчас же!

Сержант сорвался с места и поспешил к нему. Лицо его было скрыто щитком шлема, но
выглядел он испуганным.

- Сними шлем, - приказал Яков, тот послушался и выронил его из грожащих пальцев. Он

поднял на высокого проповедника расширенные от страха глаза

Яков почувствовал, как гнев еще сильнее охватывает его, и схватил сержанта за горло.

Длинные сильные пальцы сдавили ему трахею. А Яков, используя преимущество в росте и

силе, заставил агента опуститься на колени. Тот зашелся глухим кашлем.

- Вы стреляли в члена Министорута, сержант! - прошипел Яков. Мужчина, заикаясь, пытался

что-то сказать, но Яков, мгновенно усилив хватку, заставил его затолчать.

Затем, отпустив

его, проповедник положил руку ему на плечико, силой заставляя склонить голову.

- Моли о прощении, - прошептал Яков, и голос его резал, словно бритва.

Другие агенты СБ прекратили поиски и обменивались взглядами. Он услышал, как кто-то

выругался из потрескивающего интеркома внутри лежащего на земле шлема сержанта.

- Моли Императора простить этот самый тяжкий из грехов, - повторил Яков.

Сержант начал

молиться, его голос почти бессвязно срывался с губ, слезы брызнули из глаз и

потекли вниз

по щекам, скатываясь на скользкие от крови камни.

- Прости меня, всемогущий Император, прости меня! - умолял он, глядя на Якова, разжавшего руку. Щеки сержанта покрывали мокрые дорожки от слез, лицо было маской ужаса.

- Один час молитвы на рассвете, каждый день, всю оставшуюся жизнь, - объявил свое наказание Яков.

Он снова взглянул на окровавленные останки мутантов, последствия устроенной бойни, и

почувствовал, что слезы Катиньи насквозь проточили его рваную рясу.

- У один день телесной епитимьи в неделю на протяжении следующих пяти лет, - добавил он.

Отвернувшись от ужасающей картины, Яков услышал, как за его спиной сержанта начало

неукротимо рвать. «Пять лет

самобичевания научат его не стрелять в проповедника», -

безжалостно размышлял Яков, неуклюже перешагивая через лужи крови.

КОГДА СЛЕДУЮЩИМ УТРОМ взошло солнце, Яков был уставшим и еще более раздражительным, чем обычно. Он отнес Катинью к ней домой, где ее брат спал прерывистым, наполненным кошмарами сном, а затем вернулся на место холонокровной

расправы, чтобы опознавать мертвых. Некоторых мутантов он опознать не мог -- они были не

из его прихода -- и предположил, что это были борцы за свободу сбитые с толку Ламезией.

Когда наконец проповедник вернулся в труппы, он увидел несколько десятков стоящих по

всему гетто агентов службы безопасности, каждый из которых был вооружен тяжелым

пистолетом и заряженной шоковой

бұлабой. Устало затащив себя вверх по ступеням часовни,

Яков увидел, что его ожидает знакомое лицо. Прямо перед занавешенным входом стоял

Спарсек - самый старый мутант, которого он знал - неформальный мэр и судья гетто.

Яков держался из последних сил, когда старый мутант встретил его на полпути. Его

искривленное, покалеченное тело с большим трудом преодолевало даже эти небольшие

ступеньки.

- Ужасная, страшная ночь, проповедник, - произнес Спарсек надсвистывая, хриплым голосом.

Яков заметил, что левая рука мужчины, скрытая под повязками, лежит в лубке, и он держит ее

у груди, насколько позволяют искривленные плечо и локоть.

- Вы были прямо здесь? - спросил Яков,

слабо показав на слотанную руку Спарсека.

- Это? -- Спарсек взглянул вниз и печально покачал головой. -- Нет. Агенты вломились ко мне

в дом сразу после этих событий, обвиняя в том, что я был зачинщиком. Я сказал, что у них нет

доказательств, и они сделали это, сказав, что им не нужны доказательства.

- Вы нужны вашим людям сейчас, прежде чем... - голос Якова затер, в то время как сбивый с

толку разум, пытался ему что-то подсказать. -- Что вы только что сказали?

- Я сказал, что они не могут ничего доказать... - начал тот.

- Точно! -- выкрикнул Яков, испугав старого мутанта.

- Что? О чем вы? Вы, наверное, устали, - сказал Спарсек, оправившись от удивления, заметно

раздосадованный вспышкой проповедника.

- Ничего такого, о чем бы вам стоило беспокоиться, - Яков помахал рукой,

пытаясь его

успокоить. -- Я сейчас собираюсь кое о чем
вас попросить, и, независимо от того --
ответите вы

мне или нет, мне нужно, чтобы вы
пообещали, что больше ни одна живая
душа об этом не
узнает.

- Вы можете доверять мне. Разве не я
помогал вам, когда вы только приехали?
Разве не я

рассказывал вам о вашей пастве - их
тайны и черты характера? -- убеждал его
Спарсек.

- Мне необходимо поговорить с Ламезией,
и быстро, -- прошептал Яков, наклонившись
настолько близко, насколько мог.

- Предводительница мятежников? --
удивленно шепнул в ответ Спарсек. Он
мгновение

размышлял, прежде чем ответить. -- Я
ничего не могу обещать, но, может быть,
мне удастся

передать ей весточку о том, что вы

желаете ее видеть.

- Сделайте это, и побыстрее! --
настойчиво потребовал Яков, мягко
положив лапоть на

здоровую руку мутанта. -- Со всеми этими
готовыми без раздумий нажать на курок
агентами

вокруг, она может совершить что-нибудь
безрассудное и еще больше ваших людей
погибнет.

Если я смогу с ней поговорить, возможно, я
сумею помочь избежать еще большего
кровопролития.

- Я сделаю то, о чем вы просите,
проповедник, - словно самому себе кивая,
произнес Спарсек.

СЫРЫЕ ТУННЕЛИ были наполнены
звуками текущей и постоянно капающей
воды. Они

перемежались странными всплесками,
когда обутая нога Якова попала в лужу
или крыса

стрелглав проносилась по ручейкам,
сочащимся из обветшалых кирпичных

стен. Впереди,

свет фонаря Бизанта двигался вверх-вниз и покачивался, когда тот поднимал руку, чтобы

осветить путь к тайному логову Ламезии. Несмотря на то, что это была самая крупная

канализационная система, туннель затруднял движение рослого проповедника. Шея его

мучительно ныла из-за того, что пришлось полчасика идти согнувшись. Но священника уже

почти привык к отвратительному запаху, который пробивался к нему в ноздри, а глаза

приспособились к тусклому, голубому свету фонаря, когда серокожий мутант впервые за все

это время приблизился к заслонке водостока и открыл ее. Яков совсем заблудился, он был в

этом уверен, и почти подозревал, что это было конечной точкой их путешествия.

Должно

быть, они ходили кругами, иначе давно бы уже выбрались за пределы лагеря мутантов - в

город или на поля.

После еще нескольких минут утомительной ходьбы Бизант наконец остановился около

служебной двери в стене коллектора. Он четырежды постучал, сделал паузу, а затем постучал

еще два раза. Проскрежетали заржавленные замки, и секунду спустя дверь раскрылась на

пронзительно завизжавших петлях.

- Вам надо бы украсть немного масла для смазки, - не сумел удержаться от замечания Яков, за

что был вознагражден угрюмой ухмылкой Бизанта, который освещал ему путь.

Не было никаких следов того, кто открыл дверь, но как только Яков первым стал подниматься

по деревянным ступеням, ведущим прямо

от лестницы вверх, он снова услышал шут,
изданный запиравшейся дверью.

- Не доверяете? -- спросил Яков,
оборачиваясь к Бизанту через плечо, пока
поднимался по
шахте лестницы.

- Особенно тебе, - резко ответил мутант,
подаривая его пристальным взглядом.

Ступени привели их в небольшой коридор,
стены которого были украшены
осыпающимися

фресками. Очевидно, они были в одном из
заброшенных строений королевского
района.

- Вторая дверь налево, - коротко сказал
Бизант, гася латну и одновременно
указывая на
комнату кивком головы.

Яков быстро зашагал по коридору.
Жесткие подошвы его башмаков застучали
по треснутой

плитке пола. Открыв дверь, он обнаружил
Латезию, одетую в плохо сидящую на ней
униформу агента службы безопасности.

- Входите, чувствуйте себя как дома, - сказала она, отступив на шаг и широким жестом руки

обведя комнату. Небольшой зал был пуст, если не считать пары набитых соломой тюфяков да

шаткого стола с раскиданными по нему кусками пергамента, напоминающими схематичную

карту канализации. Фрески на стенах были целы, но грубо замалеваны черной краской, целая

лужа которой была на потертом деревянном полу. В одном углу догорал костер, и дым

медленно уплывал через разбитое окно.

- Мы сожгли ковер прошлой зимой, - словно оправдываясь, произнесла Латезия, проследив за

направлением его взгляда.

- А стены? -- спросил Яков, сбрасывая заплечный мешок на голый пол.

- Это Визант, в порыве гнева, когда услышал, что мы признаны виновными в

предательстве, -

успешно объяснила она, подойдя к одному из тюфяков с целью опуститься на него.

- Ты живешь с ним в одной комнате? -- спросил Яков, отпрянув от нее в отвращении. -- Вне брака?

- Ну и что? -- спросила она в искреннем недоумении.

- Есть ли такой грех, в котором бы ты была не повинна?! -- горячась, он потребовал ответа,

сожалея о своем решении иметь что-либо общее с этими заблудшими тутантами. Он

мысленно ощущал огонь Хаоса, жгущий его душу, пока он находился здесь. Потребуется

много недель покаяния, чтобы искупить только одно то, что он пришел сюда.

- Это лучше, чем затерзнуть, потому что у нас хватит топлива отапливать лишь одну комнату,

- откровенно ответила она, а затем на ее

милот лице появилась улыбка. -- Вы
подумали, что

Визант и я... О, Яков, допустите хотя бы,
что у меня есть моральные принципы!

- Я уверен, что он смотрит на это по-
другому, - заметил Яков с
многозначительным видом. --

Я видел, как он глядел на тебя в моей
спальне прошлой ночью.

- Достаточно! -- раздраженно прервала его
Латезия. -- Я не просила вас приходить ко
мне и

читать нотации. Вы сами хотели меня
видеть!

- Да, ты права, хотел, - признал Яков,
собираясь с мыслями, прежде чем
продолжить. -- У вас

запланированы какие-нибудь беспорядки на
сегодняшний вечер?

- А почему вас это беспокоит,
проповедник? -- подозрительно
прищурившись, спросила она.

- Вы не должны ничего делать. Служба
Безопасности в ответ применит еще

больше насилия,

чем в прошлый раз, - предупредил он.

- На самом деле, мы подумывали убить нескольких агентов из тех, что шляются вокруг с

напыщенным видом, со своими глубинками и пистолетами, так, словно их законы тут

действуют, - злобно ответила она, сжав свои сбитые руки в кулаки.

Яков подошел и медленно сел рядом с ней, решительно глядя ей в глаза.

- Ты веришь мне? - мягко спросил он.

- Нет, а должна? - удивленно ответила она.

- Почему ты тогда пришла ко мне, чтобы попросить кардинала о помощи? - возразил он,

откинувшись и опершись на одну руку, не сводя с нее глаз.

- Потому что... Это было... Я была в отчаянии. С моей стороны это было глупо, я не должна

была, - пробормотала она, отведя глаза.

- Ты еще просто дитя. Позволь мне помочь тебе, - настаивал Яков, чувствуя, как его душа

начинает обугливаться по краям.

- Прекратите! -- внезапно завопила она, резко вскочив и отпрыгнув назад. -- Если бы я этого не

сделала, никто бы нам не помог!

- Ладно, оставим это, - вздохнул Яков, сев снова прямо. -- Насчет брата Мневона. Здесь нечто

большее. Это не простое убийство. Я пока еще не знаю что, и мне требуется твоя помощь,

чтобы это выяснить.

- Почему вы так считаете? -- спросила она. Вызов в ее голосе мгновенно сменился любопытством.

- Ты сказала, что ему перерезали горло? -- спросил Яков, и она кивнула. -- Но зачем? Любой сүг

на Карис Цефалоне прикажет повесить мутанта по первому слову гражданина, так зачем

убивать? А затем, чтобы никто не смог узнать - кто был к этому причастен, и из-за чего тот

умер. Я думаю, что он убил кое-что или кое-кого, и его убили, чтобы он не смог ничего

разболтать.

- Но это означает, что если господа этого не делали... - тут глаза Ламезии расширились от

понимания. -- Один из нас сделал это? Я не хочу в это верить!

- Ты можешь не верить, - быстро возразил Яков, подняв руку, чтобы ее успокоить. -- На самом

деле, это маловероятно. Но единственный путь выяснить это -- отправиться на место убийства

и посмотреть, что мы сможем там обнаружить.

- Он работал на одном из кладбищ недалеко отсюда, сразу за оградой поселения, - сказала она

проповеднику. -- Мы отвезем тебя туда.

Она вприспрыжку подбежала к открытой двери и возбужденно крикнула:

- Визант! Визант, позови Огрика и Клэйна. Сегодня вечером мы отправляемся на вылазку.

БЕЗЫСКУСНЫЕ железобетонные надгробия были лишены возвышенности, просто

прямоугольные плиты, на которых была разборчиво написана фамилия. Высоко в небе

проплывала луна, а Яков, Ламезия и остальные мутанты рыскали по кладбищу в поисках хотя

бы намёка на то, что здесь произошло. Яков вошел в маленькую деревянную лачугу,

служившую ночлежкой для могильщика. Там он обнаружил разнообразные кирки и лопаты,

сваленные в углу. На полу из неструганных досок были неглубокие красные пятна. Как

показалось неопытному глазу Якова, они

попали сюда, брызнув откуда-то рядом со входом.

Он задержался там на мгновение, глядя наружу, на кладбище, чтобы увидеть что-то отсюда

попадает в зону видимости. Затем Яков увидел Византа, который привлекал его внимание,

махая рукой. Все собрались около него. Визант указывал на могилу, которая была закрыта

брезентом, пригавленным камнями по краям. Латезия кивнула ему, и мутант стащил полотно

в сторону.

Могила была глубокой и глиняной, возможно три метра в длину и два в глубину. Внутри

находился незамысловатый гроб, обмотанный тяжелыми цепями, на которых висели

многочисленные затки.

- Зачем кому-то понадобилось запереть гроб? - спросила Латезия, глядя на Якова.

ЯКОВ СТОЯЛ в одной из комнат, находящихся прямо под тем залом, где он встречался с

Латезией и смотрел на странный гроб. Главварь тутантов стояла рядом, также глядя на него

нахмурившись, отчего на лбу у нее пролегли складки.

- Что ты собираешься... - начала было она, но была прервана громким взрывом, сотрясшим

здание. Вопли и звуки выстрелов раздались в коридоре. Вдвоем они выскочили из комнаты.

Визант появился из дверей в дальнем конце коридора, крепко сжатая в руках еще дымящийся

гробовик.

- Служба Безопасности! -- крикнул он и на бегу.

- Как? -- спросила Латезия, а Яков вместо ответа нырнул назад в комнату, чтобы схватить свой

мешок. Поблизости прогрохотали еще

выстрелы, перемежаемые тихими
вскриками боли. Как
только проповедник выскочил обратно в
коридор, Визант сходу ударил его
прикладом

гробовика в челюсть, заставив Якова
растянуться на плиточном полу.

- Ты предал нас, губернаторский
прихвостень! -- прошипел мутант, уткнув
ствол ружья ему в
грудь.

- Да простит тебя Император! -- сплюнул
проповедник, и обрушил башмак на колено
Византа.

Раздался хорошо слышимый хруст, и нога
мутанта подкосилась. Яков бросился
вперед и

вырвал гробовик из его хватки, а затем
направил на Ламезию, выступившую
вперед.

- Поверь мне, это не моих рук дело, --
сказал он ей, отступая назад. --
Спасайтесь!

Он отступил еще на шаг, а затем бросил

ружье Латезии. Пока она была в замешательстве,

Яков подхватил свою суму и протолкнулся мимо нее в проход, ведущий к лестнице в туннели.

Сердце молотом стучало в груди, пока он тяжело бежал вниз, перескакивая через три

ступеньки, едва не оступаясь в спешке. Внизу кто-то встал у него на пути, и Яков набросился

на него с кулаками, почувствовав, как угодил кому-то в skull. Крутанув запорный вентиль на

двери, он вывалился в коллектор, проклиная себя за то, что вляпался в это дерьмо. Две сотни

лет покаяния не искупят того, что он натворил. Так как звуки сражения были все ближе, он

поспешил прочь сквозь капаящую с потолка воду, широко шагая по грязным лужам.

ЯКОВ СУДЕЛ на своей скромной постели

в дурном настроении, мрачно размышляя о произошедших событиях. Целый день он провел скрываясь в часовне, не стремясь показаться при

свете, когда какой-нибудь агент СБ, участвовавший в рейде в убежище мятежников, мог его опознать.

Он молился много часов подряд, со слезами на глазах он просил Императора о наставлении.

Он позволил вовлечь себя во что-то противостоящее Емү. Простой проповедник, он не имел

права вмешиваться в подобные дела. Наполненный терзаниями вины день перетек в вечер, и

Яков начал постепенно успокаиваться. Его дела с мутантами могли быть греховны, но он

обнаружил что-то странное. Окованный цепями гроб и убийство мутанта за то, что он об этом

знал или участвовал в этом. Но что он

мог сделать? Яков уже решил признаться
во всем

прелату Кодашке, когда шаги в часовне
привлекли его внимание.

Выйдя в храм, он увидел перед алтарем
коленопреклоненную фигуру склонившую
голову. Это

была Латезия, и когда он приблизился, она
посмотрела на него снизу вверх. Глаза ее
покраснели от слез.

- Бизант мертв, повешен час назад, -
медленно сказала она, в черных глазах
отражалось пламя

свечи, стоящей на алтаре. - Он сдерживал
агентов, чтобы я смогла спастись. Больше
никому

скрыться не удалось.

- Я не предавал тебя, - сказал Яков,
опустившись на колени рядом с ней.

- Я знаю, - ответила она, повернувшись к
нему, и положив руку на его колено.

- Я хочу увидеть, что находится в том
гробу, - произнес Яков, потолчав несколько
мгновений. - Поможешь мне?

- Я следила за ними. Они нигде его не забрали, - растерянно сказала она, смахивая слезу.

- Так ты пойдешь со мной туда, назад? - спросил он, вставая и протягивая руку, чтобы помочь ей подняться.

- Да, - тихо ответила Ламезия. - Я хочу знать, за что они погибли.

В ЭТОТ РАЗ они выбрали наземную дорогу к старому аристократическому поместью. Ламезия провела его наверх по пожарной лестнице на соседнюю крышу.

Оттуда они могли видеть двух агентов службы безопасности расположившихся перед главным

входом и еще одного у служебного бокового входа. Она показала ему веревку, висящую между двух зданий. Привязана она была для того чтобы можно было пробежать, а не войти, но и

для этого тем не менее подходила. Яков смотрел только на свои руки, пока лез по

ней вслеп за

ловкой молодой мятежницей, стараясь не
думать о падении с высоты в десять
метров на

мостовую под ним. Когда она помогала
ему забраться на крышу в свое временное
убежище,

вежливое покашливание из темноты
заставило их затереть на месте.

Из тени вышел мужчина, закутанный в
плотный плащ. Дыхание облачками пара
вырывалось у

него изо рта в холодный вечерний воздух.

- Странное времяпровождение для
проповедника, - сказал мужчина, идя к ним.

Руки он

держал в карманах своего непромокаемого
плаща.

- Кто ты? -- потребовала от него ответа
Латезия, потянувшись к револьверу,
который был

засунут за пояс у нее за спиной.

- Пожалуйста, не надо пытаться в меня
выстрелить, - спокойно ответил

незнакомец. -- Вы

привлечете ненужное внимание.

- Кто ты? -- повторил вопрос Яков, вставая между ним и Латезией.

- Сыщик на службе Инквизиции, - ответил он, останавливаясь в паре шагов.

- Инквизитор? -- прошептала Латезия, и в глазах у нее появился панический страх.

- Не беспокойтесь, сегодня ваш маленький мятеж меня не интересует, - заверил ее мужчина,

вынимая из карманов пустые руки и скрещая их. -- У я не говорил, что я -- инквизитор.

- Ты тоже пришел за гробом? -- догадался Яков, и незнакомец едва заметно кивнул.

- Так пойдем и отыщем его, - сказал мужчина, развернувшись и жестом предлагая им

последовать за ним.

СЦЕНА, ОТКРЫВАЮЩАЯСЯ перед Яковом, была словно списана с иллюстрации к Либер

Ересиус. Двенадцать фигур в глиняных

одеяниях и масках стояли на коленях
вокруг гроба, пять

жаровен были расположены на лучах
звезды нарисованной на полу. Воздух
комнаты был

наполнен резким запахом дыма и
звучными монотонными напевами
культистов. Один из них

встал и откинул назад свой капюшон.
Яков еле сдержался, чтобы не вскрикнуть,
когда узнал

лицо губернатора. Широко разведя руки,
тот громко и нараспев произносил слова,
казавшиеся

проповеднику бессмысленным набором
звучков.

- Я думаю - мы увидели достаточно,
сказал сыщик, причесав вместе с Яковом и
Латезией в

платио снаружи комнаты. Он вытащил два
длинных лазерных пистолета из кобуры,
спрятанных

под плащом, и вручил один Якову. Но тот
покачал головой.

- Уверен - вы не против праведного насилия

- сказал сыщик, подняв бровь.

- Нет, - ответил Яков. Открыв свой мешок, проповедник порылся внутри и через мгновение

извлек пистолет, покрытый черной эмалью. С ловкостью, выдававшей годы тренировок, он

вставил обойму и взвел его. - Я предпочитаю свое личное оружие.

Латезия даже рот открыла от удивления.

- Что? - недовольно спросил Яков. - Ты думаешь, нас зовут Защитниками Веры просто для

красного словца?

- Стрелять на поражение! - воскликнул незнакомец и резко встал.

Он выстрелил из обоих пистолетов, вдребезги разбив окна, и осколки стекла брызнули в

комнату. Пара культистов вытащили из за веревочных поясов жуткого вида ножи и прыгнули

к ним. Губернатор нырнул за гроб,

пронзительно визжа как сүмасшедший.

Первый выстрел Якова попал нападающему кўльтисту в грудь, сбив того с ног. Второй

раздробил коленную чашечку другому, а третий попал ему же в лоб и он рүхнүл как

подкошенный. Пистолеты сыщика выплевывали разряды света в кўльтистов убегающих

через дверь, а грохот тяжелого пистолета Ламезии эхом отдавался от стен. Когда Яков вошел в

комнату, один из кўльтистов толкнүл в его сторону жаровню. Проповедник отпрыгнүл вправо,

пытаясь избежать пылающих үглей. Лазерный заряд попал предателю в глаз, мгновенно

испарив половину лица.

Через несколько мгновений неравный бой был закончен: все кўльтисты были мертвы, а их

кровь пропитала доски пола. Внезапно губернатор выскочил из своего укрытия и

стрелой

метнулся к двери, но Латезия оказалась быстрее и прижала его к полу. Мгновение он метался, а затем Латезия сильным ударом рукоятки своего револьвера послала его в противоположный

угол храма. Она хотела ударить его еще раз, но незнакомец перехватил ее запястье на

полпути.

- Мои хозяева предпочли бы, чтобы он дожид до вопроса, - объяснил он девушке, отпуская ее

руку и отступив назад. Латезия, поколебавшись мгновение, распрямилась. Сильно нув

губернатора в живот, она отошла и стала вынимать пустые гильзы из своего оружия.

- Я не понимаю, что тут происходило, - признался Яков, ставя свой пистолет на предохранитель.

- И не должны, - заверил его сыщик. -- Однако я считаю, что обязан вам кое-то разъяснить.

Убрав свои лезвистолеты обратно под
плащ, мужчина прислонился спиной к
стене.

- Чума была спровоцирована губернатором
и его союзниками, - объяснил им сыщик.
Он

хотел, чтобы мутанты подняли
восстание, чтобы свергнуть его. Пока на
Карис Цефалоне было

относительно спокойно, имперские власти
и Инквизиция были довольны и не
придавали

значения более-менее терпимому
отношению к мутантам здесь. Но как
только они бы

почувствовали угрозу стабильности этого
мира, последовал бы немедленный и
безжалостный
ответ.

Мужчина через плечо бросил взгляд на
Латезию, которая тщательно изучала
гроб, а затем

пристально посмотрел Якову прямо в
глаза, после чего продолжил.

- Но это не все. Уничтожение лутантов не волновало Инквизицию, а вот мотивы губернатора

сделать это -- да. Я, то есть мы, считали, что он заключил некий контракт с темными силами, чтобы каким-нибудь нечистым образом получить еще больше власти. По условиям сделки он должен был совершить огромное жертвоприношение. Принести в жертву целое поселение,

устроить геноцид лутантов. Но он не мог просто так их уничтожить: вся экономика Карис

Цефалона основана на труде лутантов и никто бы не позволил ему совершить такое прямое

действие против его процветания. Поэтому он ввез вирус, который поражает лутантов. Он

называется Этер Мортандис, и чтобы получить его от Механикус требуется целая куча генез.

- Гроб? -- спросил Яков. -- Он там внутри?

- Нет! Конечно, нет! -- горько усмехнулся незнакомец. -- Я хотел спрятать его, но меня заметил

могильщик. Я убил его, но, к сожалению, прежде чем я успел закончить погребение, его крик

привлек патруль Службы Безопасности, и мне пришлось скрыться. Это просто случайность.

- Так что же там такого важного? -- Яков с подозрением посмотрел на гроб. Ламезия с

задумчивым выражением лица израла с ногнит из замков.

- На твоем месте, я бы его не открывал, -- отчетливо сказал сыщик. Девушка вздрогнула и,

отпустив замок, отступила назад. Незнакомец положил руки на плечи Якову и, притянув его

поближе к себе, понизил голос до заговорщицкого шепота.

- Губернатор приступил к действиям сейчас, потому что Карис Цефалон

оказался в центре

слияния энергий, - медленно объяснил он Якову. -- Таинственные силы, астрологические

союзы приняли определенный вид, а Карис Цефалон оказался в центре. На протяжении пяти

лет преграда между нашим миром и адом Хаоса становилась все тоньше и тоньше. Сущности

стали способны проникнуть сквозь нее, ксеносы стекутся сюда, смерть и катастрофа в

невообразимых масштабах опустошат этот мир. Здесь разверзнется Ад. Если хотите, за вашу

помощь сегодня я могу организовать вам перевод в приход на другом мире, забрать вас

отсюда.

Яков некоторое время смотрел на тужчину, ища ответа в своей душе.

- Если все, что вы сказали -- правда, -- сказал он в конце концов, -- то я вежливо

отклоняю

ваше предложение. Кажется, слуга веры
будет очень полезен в грядущие времена.

Он поднял взгляд на Латезию, которая
смотрела на них из противоположного
конца комнаты.

- К тому же, - закончил Яков, - мои
прихожане будут нуждаться во мне так,
как никогда
раньше.

...